

удачу». Историческое событие — это лишь проявление определенного исторического закона. Накладывая различные исторические события или «конфигурации» их друг на друга, мы никогда не выясним те исторические законы, которые лежат в их основе. Что же можно ожидать от того метода, которым пользуется Крэбер и который позволяет ему «конфигурацию» античной философии накладывать на «конфигурацию» «новой» философии? Ясно, что у него ничего не получается, ибо в основе античной философии лежат законы рабовладельческого общества, а в основе «новой» философии лежат законы капитализма. Здесь мы подходим к основному пороку методологии Крэбера. Когда одна форма философии сменяется другою, то это объясняется не какой-то мистической «культурной» энергией, внутренне присущей якобы самой философской деятельности, как это объясняет Крэбер, а законами развития общества. Законы истории (в том числе и истории философии, конечно) — это социальные законы, согласно которым возникают, развиваются и приходят в упадок различные общественные формации и одна формация сменяется другой. Между тем именно формы общества Крэбер исключил из поля своего зрения. А ведь на основе анализа «конфигураций» различных форм общества он мог бы прийти к интересным выводам, потому что «конфигурации» эти весьма красноречивы, но в том-то и дело, что это были бы не те «выводы», которых хотят Крэбер и его единомышленники.

Таково основное содержание книги Крэбера и наше отношение к нему. Крэбер известен как один из представителей так называемой «исторической» школы в американской этнографии, ныне отошедшей в область истории и тем впервые оправдавшей свое название. Противопоставляя историю (якобы индивидуализирующую изучаемые объекты) науке, представители этой школы отказывались делать какие-либо обобщения на основе изучаемых ими конкретных культур и отдельных явлений культуры. Отказ от обобщений означал главным образом отказ от изучения социальной основы культуры и, в конечном счете, у наиболее последовательных представителей этой школы — стремление к пониманию культуры как самостоятельной, внутренне замкнутой области явлений. Из американских этнографов дальше всех пошел в этом направлении Крэбер. Он утверждал, например, что история «не должна изучать факторы, порождающие культуру (civilization), но должна изучать лишь культуру как таковую», на что ему было справедливо замечено, что такая история — это «история à la Грэнбер» (см. «American Anthropologist», 1915, стр. 757). Крэбер отделил культуру от жизни (прежде всего социальной) пропастью и утверждал: «нужно знать об этой пропасти, относиться к этому факту с почтением и покорностью, не обманывая себя надеждой перейти вечную лучину» (см. «American Anthropologist», 1917, стр. 205, 213). В рецензируемой книге Крэбер продолжает стоять на этой же точке зрения, но, подчиняясь требованиям, предъявляемым в Америке 40-х гг. XX в. к этнографии, он если не присоединяется целиком к представителям господствующей ныне в Америке психологической школы, то очень близко примыкает к ней. Крэбер находит себе место в рядах воинствующей американской реакции, создавая своеобразный компромисс между традициями «американской исторической школы» и американским же неопенглеризмом, У Крэбера, как и у Шпенглера, культуры «рождаются», «растут» «созревают» и «умирают». Биологизация культуры Крэбером позволяет ему употреблять такие психологические термины, как «стимул», «энергия», «рост», «поведение», превращая их в термины: «культурный стимул», «культурная энергия», «рост культуры», «поведение культуры». И как Шпенглер является одним из духовных отцов немецкого расизма и «геополитики», так и нелепые «конфигурации» Крэбера неотделимы от все более выкристаллизовывающейся идеологии расизма американского.

Н. Бутинов

У ПРЕДЕЛОВ ОДИЧАНИЯ

Montague Summers, *Witchcraft and Black Magic*, L., 1945, pp. 228 with index + 24 ill.

Идейное убожество буржуазной культуры, проявляющееся во всех формах идеологического воздействия: в кино, литературе, изобразительном искусстве и т. п., — с наименьшей ясностью выявляется и в области так называемой «чистой науки». Перед нами «перл» творения английского «антрополога» Монтего Саммерса «Колдовство» и «чернокнижие» — объемистый труд на 228 страницах, снабженный индексом имен и 24 иллюстрациями. Затрагивая одну из насущнейших проблем первобытных верований, автор — «достойный представитель» клерикализма — легко принимает обвинение (с его точки зрения звучащее похвалой) проф. Барра (Cornell University) в излишне богословском характере его «труда». Еще во введении он предвещает, что в вопросах магии, колдовства и чернокнижия авторитетом может считаться либо теолог, как «имеющий в этих вопросах столь специальную подготовленность», либо юрист, «трактующий преступление» чисто по его существу. Далее, как во всяком солидном труде, следует лингвистический и филологический анализ терминологии. Легко скользя по народам в временах (от рубежа нашей эры до XIII—XVI вв., до 1929—1937 гг. и обратно), нагромождая «высоконаучные» и «авторитетные» высказывания кровавых

палачей инквизиции, иезуитов и бенедиктинцев (Игнатия Лойолы, папы Иннокентия III, Иннокентия VIII, лондонского епископа Эйлмера и т. д.), а наряду с ними «ведущего оратора парижской адвокатуры» 1920—1938 гг. г-на Мориса Гастона и др., автор доказывает, что «существование зла на земле не требует особых доказательств, обоснований — оно самоочевидно, как живая, ужасающая реальность», что слово «дьявол» (англ. Devil) происходит от усечения «do-evil» (творить зло), что первоначально «дьявол» и «Люцифер» были не равнозначными терминами и «Люцифер» понимался еще евангелистами как «порождение грома, сын зари вечерней». Попутно мы узнаем что рождение волосатых (со сплошным волосатым покровом) детей и «двуголовых уродов» является «проявлением гнева небес по отношению к населению грешной местности» (ср. собрание монстров петровской Кунсткамеры, которых Петр I указом 1718 г. повелел собирать именно в целях борьбы с суеверием).

Наиболее показательны главы IV и VII. Первая из них рассматривает происхождение колдовства, шаманства, магии и «решает» вопрос о том, «кто был первым колдуном» (?? sic!). Отказывая человеческому обществу в истории развития (оно дано «в готовом виде» самим всевышним с времен сотворения мира), М. Саммерс приводит высказывания большого количества авторов о наличии колдовства в Австралии, Океании, Африке, Таджикистане, Париже и Лондоне (и делает отсюда «вывод», что «оно прошло неизменным и неизменяемым сквоз. века, как и его глава (Master)», и повсеместно для его служителей характерно «знание убийственных ядов и вредоносных трав». Далее, автор с полным «объективизмом» приводит все три «ведущих» решения вопроса о первом колдуне. Оказывается, это второй сын Ноя — Хам. Хамово отродье — бездушные люди, «материалисты, слепые по отношению к свету природы и внутреннему свету», расселились повсюду. Одна их ветвь расселилась в Бактрии и в зороастрийском культе славил Люцифера — сына молнии. Однако есть возможность искать первого колдуна и в более раннюю эпоху — это Каин, нарушивший небесный закон братоубийством. Наконец, виновником и отцом колдовства является... сам Люцифер, ибо бунт небесный породил революции и бунты на земле (!). Остается выяснить дальнейший путь внедрения колдовства. Дьявол вербует себе сторонников путем покупки душ и путем кощии. Оказывается, «все теологи и ученые философы согласны на том, что во все времена и у всех народов колдуны практиковали сонгие с демонами: женщины с инкубами, мужчины с суккубами»; более того — один и тот же демон может быть суккубом для колдунов и инкубом для колдуний. Автор готов признать историчность колдунов и колдуний (особенно колдуний, ибо женщина — сосуд дьявольский), но и она идет от дьявола. Они, несомненно, — «одареннейшие, умнейшие в племени», но знают они различные вещи от дьявола, ибо демоны обладают поистине дьявольской памятью и передают часть сведений своим объектам. Дьявол ставит завербованным несмываемый знак. Это голубые или красные пятна на плече, на скрытых частях тела или под волосатым покровом головы. «Требуется порой обрить волосатый покров, чтобы увидеть «пятно дьявола». За всякую попытку покинуть тайное общество служителей дьявола последний карает тяжкими наказаниями, из коих легчайшее — смерть. Тайные общества сатанистов первоначально — синоним слову атеист, в трудах епископа Лондона Джона Эйлмера (1559 г.). Скомической серьезностью дебатирует автор вопрос о том, должно ли это тайное общество состоять обязательно из 13 (!) последователей или достаточно и 10. Далее доказывається, что сатанисты заранее назначают день преступного собрания — шабаша. Собравшись, они ведут моление, при котором обязательны: стол, покрытый черным бархатом, две восковые свечи в черных подсвечниках, магические круги с записанными в них именами «падших ангелов» и т. п. После шабаша следует пир, сопровождаемый свальным грехом, причем вино льется рекой и («так говорят высокие авторитеты») поедаются блюда из человеческого мяса. Один из первосвященников черной мессы принес тело невинного ребенка, приготовил его и все ели (стр. 208). Шабаш сопровождается танцами и адской какофонической музыкой. Автор не уверен, что преобладает в этой музыке: барабан или трубы, но самая музыка — неоспоримый факт (!).

Наконец, автор подводит итог. Еще ранее он заявил: «колдовство это не только исторический факт. Это современная угроза». С глубокой верой в факт их существования и вредоносной деятельности автор утверждает наличие разветвленной сети организации сатанистов и предостерегающе заключает: «Колдовство, чернокнижие, сатанизм — пусть называют, как хотят. Все едино — культ Дьявола (с большой буквы. — Г. С.) — наиболее ужасная сила в современном мире». Читателю представляется самому делать вывод: не в лагерях Освенцима и Майданека гитлеровскими палачами лилась человеческая кровь и «приготавлились» тела невинных младенцев, не их последышами Мосли и де-Голлем готовится гнуснейший заговор против человечества с применением «смертоносных трав и ядов», а в этих, состоящих из отвергнутой религией атеистов и материалистов тайных обществах «сатанистов», столь широко распространенных в Англии, Франции и особенно в Средней Азии и Сибири. Иллюстрации как нельзя более подходят к книге. Это серия грубейших, отвратительнейших агитплакатов, натасканных из гнуснейших творений кровавых мракобесов европейского средневековья. От всего «труда» в целом на советского читателя веет смрадом болота, где гнездятся ложь, суеверия и предрассудки, гарью костров инквизиции, на которых заживо сжигались настоящие люди за малейшее проявление про-

грессивной мысли, трупным запахом «Бабьего Яра». Невольно встает вопрос, когда же это написано и когда издано. Только из предисловия можно установить, что... в 1945 г. Это не ошибка, не 1545, а именно 1945 г. И это примечательно. Таково лицо значительной части «научных» изданий Запада.

Говоря о том, что автор не делает выводов, мы были не вполне точны. Кончая свой труд, он не удерживается от возгласа «Англия отменила закон против колдовства. Но святые Законы отменить она не может». Это и есть его вывод, вывод-призыв: «Назад к судам над ведьмами! Назад к святым судам над чернокнижием!». Потрясающий в середине XX в. лозунг. Заметим, в порядке юмора, что в одном из заседаний «священный суд» должен был бы (так логически следует) рассмотреть дело... Монтею Саммерса, глубоко верующего в «сатанизм» и широко пропагандирующего структуру тайных обществ, ритуал шабашей и «легкую возможность» получить богатство, славу и стать «умнейшим» человеком общества. Мы не удивимся, если решение будет: «виновен и не заслуживает снисхождения», и лишь добавим к мотивам виновности: трату времени, порчу такого количества бумаги и, главное, попытку засорить мозги прогрессивного человечества зловреднейшими бреднями. Как живые свидетели, внесем оговорку, что «умнейшим» человеком в обществе ему не поможет стать никакой кооптированный для этой трудной работы «сатана».

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Скудоумие, убожество мысли и моральное одичание поистине потрясающие. Но самое мрачное в том, что это и подобные ему произведения сорвавшихся с цепи мракобесов находят в Англии наших дней издателей и, вероятно, читателей.

Гр. Стратанович